

Валерия Вербинина

**КРЫЛО ИКАРА**  
*феерия*

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1  
ББК 84(2Рос-Рус)  
В31

**Вербинина, В.**

В31 Крыло Икара / В. Вербинина. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 360 с.

ISBN 978-5-521-90285-9

Валерия Вербинина известна как мастер исторического детектива, но начинала она в фантастике и до сих пор любит обращаться к этому жанру.

Фантастический роман «Крыло Икара» сочетает сюрреализм в духе Хармса и фантасмагоричность в стиле Гофмана. В большом прекрасном городе живет юноша, который умеет летать. Вокруг него мирно (а иногда — не очень) сосуществуют вампиры, сфинксы, мойры, говорящие коты и волшебные растения. А потом начинается эпидемия, которая переворачивает жизнь вверх дном...

УДК 821.161.1  
ББК 84 (2Рос=Рус)  
В1С FC  
BISACFIC000000

ISBN 978-5-521-90285-9

© Вербинина В, 2021  
© Т8 RUGRAM, оформление, 2021  
© Т8 Издательские технологии, 2021

## С О Н   П Е Р В Ы Й

Филипп лежал на диване и пускал мыльные пузыри. Сумерки вливались в комнату сквозь цветные стекла и застывали на полу густыми пестрыми лужами. Над ними сновали прихотливые мечты, изменчивые надежды, назойливые страхи; нередко два пузыря бесшумно сталкивались, теряли очертания, сливались в переливчатый радужный ком и вновь расходились двумя новыми фантазиями. Филипп затаил дыхание: он хотел выдуть счастье, но у него ничего не выходило. Волшебные пузыри, как и положено, принимали форму его мыслей, — до тех пор, пока он не загадывал счастье; и тогда выходило нечто странное, невероятное, чудесное — корабль, сотканный из лунного света, белый слон с крыльями, сиреневый марсианский рассвет, и все-таки это было не совсем счастье. Филипп тихо подул: показались деревья, холмы, озеро; от их красоты у молодого человека захватило дух. Теперь, казалось, он был близок к счастью как никогда; но видение съежилось и обернулось обыкновенной раковиной, правда вывернутой наизнанку. Филипп вздохнул; ему было грустно. Юркий мыльный призрак, похожий на чайник с глазами, вертелся у волшебного зеркала, недоумевая, отчего в нем нет изображения. Крылатый слон, пролетая над

Филиппом, махнул хвостом и задел его по лицу. Филипп отогнал прищельца, осторожно дунув на него, и крепко зажмурился, пытаясь сосредоточиться.

«Я хочу быть счастливым, да, очень хочу. Неужели это так трудно? Просто я и она, мы вместе, и пусть все будет хорошо, пусть все в мире будет хорошо, как сегодня, когда я гулял по облакам и смотрел... Матильда не любит облаков, но это неважно, потому что я, как обещал, построю прекрасный замок, где мы будем жить до скончания дней. Но землетрясения могут все испортить, вот в чем дело. — Мысли явно текли куда-то не туда, и шар, который выдувал Филипп, превратился в груду развалин. — Или неботрясения? Интересно, что Матильда оденет на день нерождения; по мне, так хотя бы ничего. Но все равно — почему-то ужасно не хочется идти туда».

Шар слукавил, выдав изящную женскую головку в обрамлении золотистых волос. Одно за другим на личике проступили тонкие изогнутые брови, синие глаза, маленький носик и милые, надутые губки. Сердце Филиппа громко стукнуло. «Матильда», — подумал он и тотчас же сообразил, что это скребутся в дверь. Шар, отпущенный на свободу, незамедлительно подлетел к зеркалу и начал прихорашивать-ся, но, поняв, что не отражается в нем, замер в недоумении.

— Не шали, — сказал Филипп. — Войдите!

Лаэрт просочился сквозь дверь (так удобнее: не надо тратить время на ее открывание и закрывание, с точки зрения Лаэрта — действия совершенно бессмысленные, ибо одно заведомо исключает другое). В пространстве о трех измерениях Лаэрт невозбранно пользовался своей свободой, которую ему предоставляло его отчасти потустороннее происхождение. Дело в том, что Лаэрт был вампир, хоть и ручной. Время от времени он, правда, отбивался от рук, и его приходилось со скандалом прибивать обратно. На вид он больше

всего напоминал зеленую кляксу с множеством самых разнообразных конечностей, количество которых то и дело менялось.

— Вы меня звали? — осведомился Лаэрт, висая в метре над полом и зеленой лапой отбиваясь от надоедливых пузырей, которым он был в диковинку.

— Нет, — отозвался Филипп.

— А должны были бы, — заметил Лаэрт. — Сегодня, между прочим, вторник.

— Вторники бывают каждую неделю, — возразил Филипп. — Мне все равно, потому что я никак не могу загадать счастье: мысли разбегаются.

— Надо купить мыслеловку, — посоветовал Лаэрт. — Сажаете туда ваши мысли, сдаете на завод по изготовлению иллюзий и все забываете.

— Не хочу. Как ты думаешь, может, мне стоит попробовать плюшевые пузыри? Мыльные мне уже поднадоели.

— Плюшевые быстро быются, — заявил ученый вампир.

— А золотые?

— Постоянно рвутся и пачкаются, оседают на мебели и вообще портят обстановку, — отрезал Лаэрт, — еще хуже атомных.

— Да, от атомных слишком много шума, — подтвердил Филипп. — Кстати, я знаю, почему сегодня вторник.

— И прекрасно! — вскричал Лаэрт, уже не чаявший перевести разговор на нужную тему.

— Но отчего-то мне хочется, чтобы была среда, — продолжал Филипп, и его серые глаза озорно блеснули. — Ты не знаешь, отчего?

— Не знаю, но, если я хоть что-нибудь смыслю в этикетке, правилами хорошего тона предусматривается опоздание максимум в полтора часа, в то время как опоздание на 1 час 31 минуту уже рассматривается как преступление.

Поскольку Лаэрту было ни много ни мало 900 лет (с небольшим), а Филиппу, понятное дело, гораздо меньше, Лаэрт, как старший, считал своей обязанностью учить его уму-разуму, хотя Филипп, как и большинство представителей его рода, мог прекрасно без них обойтись (вместе и по отдельности).

— Кодекс Дромадура, — проворчал Филипп. Спору нет, Лаэрт был прав; но молодой человек не выносил поучений, и к тому же ему хотелось слегка поддразнить вампира. В целом отношения между ними были самые дружеские. Хотя Лаэрт поселился в доме сравнительно недавно, он без труда совмещал обязанности домоправителя, сторожа, голоса совести и живого автоответчика. Во всех этих областях он был совершенно незаменим, что, однако, вовсе не служило в глазах Филиппа извинением слабости Лаэрта, единственной, которая водилась за сторожем совести автоответчика. Дело в том, что порой естественные вампирские наклонности брали в Лаэрте верх, и тогда между ним и хозяином случались серьезные разногласия. В свое оправдание Лаэрт утверждал, что кровопускания — древний медицинский обычай, и, следовательно, вампиру в какой-то мере позволительно считать себя терапевтом. Филипп категорически запрещал ему заниматься подобным целительством, и после долгих уговоров вампир неизменно сдавался, каялся и клялся, что с прошлым покончено. Но стоило Филиппу столкнуться с кем-нибудь особенно несимпатичным, как Лаэрт снова был тут как тут, с жадной крови и разрушительных действий, от которых хозяину стоило большого труда его удержать. Вися в воздухе, вампир поймал мыльный пузырь и перебрал его из лапы в лапу. Филипп сделал вид, что не замечает его присутствия. Лаэрт невозмутимо напомнил хозяину о том, что он вполне укладывается в сроки.

— Я не хочу туда идти! — простонал Филипп, выдувая шар, похожий на смесь виселицы с хлеборезкой.

— Там будет Матильда, — наседаЛ Лаэрт.

— Там будет Вуглускр! — упирался Филипп.

— Какая вам разница? Вы ведь женитесь на его дочери, а не на нем самом, — заметил вампир.

— Лаэрт! — возмутился Филипп.

— Я тут, — сказал Лаэрт после того, как бросил шар в рот и проглотил его, отчего на его тощей длинной шее на несколько мгновений образовался впечатляющих размеров движущийся зоб.

— За кого ты меня принимаешь?

— А она любит вас, — ввернул медовым голосом вкрадчивый вампир. — И ждет. Неужели вы обманете ее ожидания?

Филипп, побежденный, поднялся с дивана.

— Ты предатель, — сказал он Лаэрту. — Изумрудный! — велел он окнам, и комната немедленно оживилась зеленым светом. Заиграла музыка нежно-салатового оттенка, в тон освещению. Диван отъехал в сторону, прилепился к стене и обернулся камином, в котором неярко вспыхнули дрова. Лаэрт ускользнул сквозь стену, пролетел через кладовую, где были свалены кучами отслужившие свое мыльные пузыри, пересек танцевальный зал, который в порядочные дни, то бишь в дни наведения порядка, складывали и убирали в шка-тулку, и сгинул в недрах хозяйской гардеробной.

В гостиной Филипп подошел к зеркалу. Темная его глубь прояснилась, — так в зимний день редет дымка на стекле, если подышать на нее, и в зеркале показалось лицо. Нельзя было с определенностью сказать, принадлежит ли оно мужчине или женщине, красиво оно или уродливо, но тем необыкновеннее казалось выражение доброжелательности на нем. Веки медленно поднялись, и внимательные глаза всмотрелись в Филиппа. Он передернул плечом — не то до-садиво, не то нерешительно.

— Здравствуй, — вежливо сказала зеркало. Мыльные пузыри, оказавшиеся при этом, запищали от восторга.

— Здравствуй, — ответил Филипп.

— Ты хочешь спросить меня о чем-то? — осведомилось зеркало. — Я к твоим услугам.

Филипп поколебался. Он не был уверен, что вопрос не прозвучит нелепо; но с зеркалом можно было быть откровенным.

— Как, по-твоему, счастье возможно? — спросил он.

Немигающие глаза, казалось, были неотрывно прикованы к его лицу. Филипп покачнулся на носках; в душе он сердился на себя за слова, нечаянно сорвавшиеся с языка.

— Может быть, — промолвило зеркало.

— Может быть?! — крикнул Филипп, топнув ногой. — Таков твой ответ? Тогда к чему все это? Ты же все знаешь; скажи мне.

— Не могу, — печально сказала зеркало. — У тебя несчастливый характер. Ты хочешь всего — и сразу, но так не бывает. Никто не может иметь всего. Умерь свои требования, Филипп.

Филипп отвернулся. Он чувствовал правоту зеркала; чувствовал — и в то же время бунтовал против нее. Она возмущала его, он и сам не понимал, почему.

— Я люблю Матильду. Но ее отец мне не нравится.

— Не думай о нем; думай о ней.

Филипп поднял голову; глаза Матильды смотрели на него из глубины мыльного пузыря. Он улыбнулся, и от его улыбки в комнате стало светло, словно в ней протянулись тысячи лучей, озарив ее всю. И лицо в зеркале тоже слегка изогнуло губы, словно ему тоже захотелось улыбнуться в зазеркальной дали.

— Ты идешь на день нерождения. Будь осторожен.

Филипп вздрогнул. Он редко получал от зеркала предупреждения, и всякий раз это означало что-то серьезное.

— В чем дело? Мне что-то угрожает?

— Твоя натура, — раздумчиво проговорило зеркало, — может далеко тебя завести. Пока ты на правильном пути; не сворачивай с него.

— Ты совсем как Лаэрт — то и дело даешь мне указания, словно я ребенок... Скажи лучше, что мне надеть? Или покажи, что меня ждет.

Зеркало словно подернулось туманом. На мгновение Филипп увидел себя и Матильду, озаренных огнями фейерверков. Он хотел спросить о чем-то, но таинственное лицо уже потускнело, расплылось, и зеркало вновь сделалось темным и неподвижным. Лаэрт, подслушивавший за дверью, покачал головой и скользнул в комнату. Вампир никак не мог взять в толк, зачем надо разговаривать с собой на два голоса, но, как хорошо вышколенный упырь, он не подвергал обсуждению поведение хозяина.

— Что это? — спросил Филипп, указывая на ворох одежды, которую вампир приволок с собой.

Лаэрт объяснил, что, поскольку хозяин идет на день нерождения, ему не следует ударить в грязь лицом, не то его верный вампир-домоправитель (не путать с домовым, это вообще одна из низших категорий темных сил, которая идет следом за тещей и налоговым инспектором), — так вот, онный вампир в случае неудачи будет до скончания веков терзаться угрызениями совести. Филипп понял, что Лаэрт не отступит, и покорился неизбежному. С невероятной быстротой вскрывая и разворачивая коробки и пакеты, вампир показывал, объяснял, расточал хвалы, примерял на хозяина, на себя, тряс в воздухе, сыпал словами, описывая все неописуемые достоинства этой вещи — словом, вел себя точь-в-точь как опытная продавщица в начале далекого XXI века, когда она твердо решила вытянуть у вас деньги, с той только разницей, что Лаэрт проделывал все это совершенно бескорыстно.

— Рекомендую, — верещал Лаэрт, — ультрамодный костюм «Умри от зависти», сделан из особо прочной паутины, сшитой лазерным швом, с металлическими заклепками; или «Принц не нищий», джинсы с прорехами, залатанными рубиновыми и сапфировыми заплатами; или...

Но Филипп был противником излишеств в одежде. С помощью Лаэрта он облачился в белую рубашку, простой костюм жемчужно-серого цвета и куртку-хамелеон из шагреновой кожи, менявшую цвет в зависимости от того, сколько красивых девушек находилось рядом с ее обладателем. Обычно куртка стояла на максимуме, выражавшемся в переливчатом пунцовом оттенке. Впрочем, вела она себя вполне прилично.

— Жуткий красавец! — в экстазе заключил Лаэрт.

Вампир летал вокруг Филиппа, пиная шары, сдувал с хозяина пылинки и восхищался во весь голос: несомненно, это было самое удачное одеяние, с которым не мог идти в сравнение никакой жалкий смокинг, — как известно, род халата, который наши предки носили за неимением лучшего.

— Изумительно! Восхитительно! Обворожительно! — простонал вампир в 624-й раз, потирая три пары рук и обмирая от неподдельного восторга.

Филипп повернулся к зеркалу, и оно показало ему стройного молодого человека с тонкими чертами одухотворенного лица и непокорной каштановой прядью на лбу. Он отбросил ее назад, и отражение в зеркале показало ему язык. Что и говорить, он был очень хорош.

— Я возьму истребитель, мало ли что может случиться в дороге. Если будет пробка, придется нырять штопором.

Лаэрт хлопнул в ладоши, и в стене, мягко зазвенев, открылся лифт. На прощание Филипп в отместку показал своему изображению нос. Дверцы лифта сомкнулись, и в следующее мгновение юноша вознесся на крышу, где его ждал